

ЭКОНОМИКА и ЖИЗНЬ ЧЕРНОЗЕМЬЕ

еженедельник

26 марта
— 8 апреля
2011 г. № 5
(52)

НОВОСТЬ НОМЕРА

3 миллиарда рублей – в развитие фермерских хозяйств

Оператор белгородской областной программы по развитию малых форм хозяйствования ГУП «Семейные фермы Белогорья» анонсировало практически трехкратный рост объема инвестиций в проект: если за прошлый год было привлечено 1,1 миллиарда рублей, то в 2011 году показатель должен вырасти до 3 миллиардов рублей.

ЧЕРНОЗЕМЬЕ

Стоит ли воронежцам подниматься до гения Мандельштама?

Итак, в объявленный Управлением культуры Воронежской области юбилейным год Осипа Мандельштама – 15 января 2011 года исполнилось 120 лет со дня рождения поэта – в Воронеже улицы с его именем не появилось. И в ближайшее время не появится. О причинах речь пойдет ниже, но горячие сторонники увековечить имя Осипа Эмильевича на карте города его ссылки уже вынесли свой приговор не только тем, кто волею-неволей был причастен к попыткам переименования, в том числе членам Комиссии по культурному наследию при городской администрации, не только жителям трех улиц-кандидатов на перемену имени: Швейников, Фридриха Энгельса и 20-лет ВЛКСМ, но и всем воронежцам поголовно, всему городу целиком.

Воронежцам навязывают мнение избранного меньшинства

Сами инициаторы переименования, члены Союза российских писателей (СРП) известный краевед Олег Ласунский и поэтесса Галина Умывакина, председатель Воронежского отделения СРП, по-видимому не нашли достойной трибуны, чтобы объяснить на этот счет. «В еврейских квартирах, – как писал Мандельштам в «Египетской марке», – стоит печальная тишина». Зато люди близкие к этому кругу высказались вполне определенно.

Позорным назвал на пресс-конференции в начале марта художественный руководитель Камерного театра, директор Платоновского фестиваля Михаил Бычков отказ от идеи присвоения одной из улиц города имени поэта в юбилейный для Осипа Эмильевича год. А городская газета «Берег» в авторской колонке обозревателя по культуре вначале признает: «То, что Мандельштаму никогда не овладеть умами воронежцев, – очевидная данность. Хотя и обидная, достойная сожаления». Но «если даже считающие себя культурной элитой люди в противовес аргументам за переименование говорят о

*Ни в Петербурге,
где Мандельштам жил
до войны, ни в Москве,
где он жил тоже, ни во
Владивостоке, где он умер,
улицы его имени нет. Так
стоит ли давать одной из
улиц столицы Черноземья
имя Мандельштама,
ведь отзывался он об
этом городе несколько
неблагодарно:*

*«Воронеж – вор,
Воронеж – ворон, нож»?*

Осип Эмильевич никогда наличную Россию не любил

Хотя, казалось бы, до сих пор Осипу Эмильевичу грех было жаловаться на невнимание воронежцев. В 1991 году, к 100-летию поэта, на фасаде дома № 13 по улице Фридриха Энгельса, где в 1936 году проживала чета Мандельштамов, была установлена мемориальная доска. Проходили Мандельштамовские чтения, Мандельштамовские дни, издавались книги... Шел естественный и закономерный для постсоветского времени процесс культурного освоения так называемой задержанной при коммунистах по идеологическим соображениям литературы. Как писали советские литературоведы, творчество выходца из купеческой семьи Мандельштама «представляет собой художественное выражение сознания

крупной буржуазии в эпоху между двумя революциями». Но постепенно и воронежцы понимали, что это не совсем так. Или, вернее, совсем не так. Осипа Эмильевича скорее можно причислить к тем, кто боролся за «светлое будущее» всего человечества. В отличие от своего дяди Юлия Матвеевича, который читал охранительное «Новое время» Суворина и восхищался статьями одного из вождей русского национализма Михаила Меньшикова, Осип Эмильевич никогда наличную Россию не любил.

Недаром в юности он так увлекался Чаадаевым, у которого, по его мнению, «хватило мужества сказать России в глаза страшную правду, – что она отрешена от всемирного единства, отлучена от истории», «что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений». В Тенишевское училище он пришел «в класс совершенно готовым и законченным марксистом». Но под влиянием своего друга Бориса Синани идейно сближается с эсерами и даже просится в их боевую организацию. Этот Синани, который сильно повлиял на Осипа и оставил в его душе неизгладимый след, судя по всему, был одним из тех типов, которых изобразил Федор Достоевский в романе «Бесы». Так, по свидетельству Мандельштама, с подачи Синани «особый вид людей эсеровской масти» они называли «христосиками». «Христосики», – поясняет Мандельштам, – были русачки с нежными лицами, носители «идеи личности в истории», – и в самом деле многие из них походили на нестеровских Иисусов». Как можно догадаться, «христосики» не совсем годились для сурового дела революции. К нему оказалось больше приспособленными представители жестокого иудейского племени. Правда, в боевики Осип не попал. Родители от греха подальше отправили сына за границу.

Продолжение на 11 стр.